

Труд - 1998. - 21 апр. - с. 4

Мухомова Вера

21.04.98

ТАЙНА СКУЛЬПТОРА

НОМЕР ОДИН

ГЕРОИ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

СУДЬБА ВЕРЫ МУХИНОЙ ЗАВИСЕЛА ОТ СВОЙСТВ... МОЧИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Главная московская новость конца мая 1930 года на первый взгляд больше всего походила на плод нездорового воображения: один из видных членов Ассоциации художников революционной России, знаменитый скульптор Вера Игнатьевна Мухина, ее муж - известный врач Алексей Андреевич Замков, славившийся в столице своими безошибочными диагнозами, и их десятилетний сын арестованы органами ОГПУ и сидят в тюрьме на Лубянке.

Как известно, ученики «железного» Феликса сажали прежде всего идеальных врагов большевизма, но никто не хотел, да и не мог поверить в то, что у Мухиной появились какие-то трения с Советской властью. Революцию она приняла без колебаний, активно работала по ленинскому плану монументальной пропаганды, самозабвенно участвуя в «выработке проектов памятников Российской социалистической революции»: создала эскизы памятников российскому просветителю Николаю Новикову и секретарю Московского Комитета партии Загорскому; «Пламя революции» посвятила Свердлову; состязалась в конкурсе на памятник «Освобожденному труду»; к десятилетнему юбилею Октябрьской революции Мухина создала «Крестьянку», принесшую ей международную славу.

Недрузья Мухиной, радостно потирая руки, говорили о том, что органы наконец-то обратили внимание на ее, мягко говоря, непроторское происхождение. И действительно, дед Веры Игнатьевны сколотил весьма солидное состояние на успешной торговле льном, пенькой и хлебом. В Риге ему принадлежала торговая фирма «Кузьма Мухин», десятки складов и большая часть гостиницы двора. Кузьма Игнатьевич имел и другую крупную недвижимость - несколько поместий, дома в Рославле и Риге. Его сыновья тоже ворочали немалыми деньгами: имели заводы, доходные дома.

Но Вера Мухина никогда не скрывала этих деталей своей биографии. К тому же, если ее арестовали из-за происхождения, за что же сидел ее муж? Он родился в бедной крестьянской семье, экстерном сдал экзамены за гимназический курс и собственным трудом заработал на учебу в университете.

Нет, дело было не в происхождении. И даже не в родственниках за границей. (Потомки Кузьмы Мухина продолжали жить в ставшей независимой и буржуазной Латвии. Заводы, принадлежавшие им, работали и приносили прибыль. А старшая сестра Веры Игнатьевны - Мария в начале 20-х навсегда покинула голодную и смутную Россию и жила в благополучном Будапеште). Хотя обстоятельства

были всеобщими. Их исследования принялись повторять и развешивать практически во всех более или менее развитых странах. В Европе стали искать в моче беременных гормоны, вызывающие столь необычные последствия. Ученые точно предугадали, что с их помощью можно лечить множество заболеваний. Но дело шло не блестяще. Выделенные гормоны не удавалось сохранять сколько-нибудь длительное время, а сам процесс их получения оказался очень дорогостоящим.

Советские ученые пошли своим путем. Один из самых авторитетных русских биологов - директор Института экспериментальной биологии профессор Николай Константинович Кольцов предположил, что лечить можно и самой мочой беременных, ничего из нее не выделяя. Чтобы проверить это, он пригласил на работу в свой институт врача Алексея Замкова, который еще во время первой мировой войны из-за недостатка лекарств пытался лечить мочой (правда, обычной) ревматизм, болезни легких и сыпной тиф.

Препятствия в работе Замкова стали возникать с первого дня. Оказалось, что революция уничтожила не только эксплуататорские классы, но и систему разведения лабораторных мышей. Пришлось воспользоваться личными связями. Кольцов в это время составлял генеалогическое древо Максима Горького и пытался доказать, что главный пролетарский писатель - родня столбовому дворянину Пушкину. Замков со времен революции на Красной Пресне, был дружен с женой Горького - Марией Федоровной Андреевой. Это

первый год жизни. По заданию Наркомата земледелия опыты перенесли на крупный рогатый скот. Выяснилось, что после таких укулов молодые бычки быстрее набирают вес.

Но Замков прежде всего был врачом и его больше заботили люди. Он считал, что все болезни можно лечить очищенной специальной мочой беременных, которую Замков, чтобы не смущать пациентов, назвал гравиданом. Сразу же он начал проверять свою теорию на практике. Из московских больниц в Институт экспериментальной биологии повезли «исходную жидкость». Замков со своими сотрудниками днем работал на покладке рук, получая и заповивая в ампулы гравидан (по 13-18 литров в месяц), а по вечерам с немалым усердием, как частно практикующий врач, лечил им своих пациентов.

То ли сам гравидан, то ли вера в его необычайную силу хорошо помогали страждущим. Вскоре к Замкову потянулись больные со всей страны. А когда был обнаружен омолаживающий эффект нового средства, его оценили и власти имущие - из кремлевской аптеки в институт Кольцова потоком пошли заказы на гравидан. Но ничто хорошее не может длиться вечно.

ШВОНДЕРШИ ОТ НАУКИ

Почти до самого конца 20-х годов Институт экспериментальной биологии жил в некотором отдалении от государства. Кольцов смог уберечь себя и своих коллег от участия в различных дискуссиях и следовавших за ними чистках и репрессиях. Мало того, в институте не было ни ячейки ВКП(б), ни профсоюзной организации. Но с 1929 года в науку, на теплые руководящие места, потянулись старые партийцы, сброшенные с вершин власти своими более удачливыми товарищами.

Сам Кольцов и его известные в ученом мире соратники совмещали работу в институте с преподаванием в вузах, консультированием разнообразных сельскохозяйственных и медицинских учреждений, благодаря чему вели безбедный образ жизни. Их менее именитым и менее талантливым коллегам приходилось довольствоваться мизерными окладами, и потому они охотно поддерживали швондерш в их борьбе с корифеями науки.

Но особенное раздражение у этой части сотрудников института вызывал Замков. Его частная практика приносила, по мнению коллег, столько, что даже сам Кольцов на его фоне выглядел сущим бедняком. В некоторой степени это было правдой, но большую часть заработанного Замков тратил на поддержку своей многочисленной родни и земляков, которым во время коллективизации в деревне приходилось совсем несладко. К тому же, больных бедняков Замков лечил абсолютно бесплатно, но глаза завистников видели только то, что хотели.

Последней каплей для них стал выигрышный заем Московского губернского исполнительного комитета - в январе 1930 года на него в добровольно-принудительном порядке подписали всех сотрудников института. И во время первого же тиража Замков выиграл. Единственный из всех, кому вручили облигации крупного достоинства. Терпение злобного большинства полно.

На беду Замкова в это время профессиональный медицинский союз опубликовал воззвание против частной медицинской практики, и коллеги открыли сезон охоты на слишком благополучного врача. Его не раз и не два терзали на собраниях, а затем, 22 марта 1930 года, «Известия» опубликовали письмо группы сотрудников института «Против спекуляции в науке». Замкова обвинили в корыстолюбии и противозаконном экспериментировании на людях. Около месяца Алексей Андреевич метался, пытаясь доказать абсурдность обвинений, но все было напрасно. А потом у него сдали нервы.

ПОБЕГ НА ЛУБЯНКУ

Как сам Замков писал в заявлении директору института, от тяжелых нервных переживаний и переутомления у него возникла невралгия тройничного нерва. Он хотел уйти в отпуск, но согласие Кольцова не имело никакого значения. В институте правила швондерши и сколоченный ими мексиканский Замков просто не давали отдохнуть,

Хорошая пара: Вера Мухина с мужем, известным врачом Алексеем Замковым.

онное преступление можно было полатиться жизнью.

Говорят, что Вера Игнатьевна до конца своих дней добрым словом вспоминала какого-то хорошего человека Сидорова. Этот следователь довольно скоро разобрался в случившемся и сделал для Мухиной и Замкова все, что было в его силах. Через шесть дней он освободил Мухину с сыном из тюрьмы, а затем за два дня до описи имущества предупредил, чтобы она увезла из дома все ценные вещи. По постановлению ОГПУ поздней осенью 1930 года имущество было конфисковано, а Замков и Мухина были приговорены к трем годам ссылки.

Самым крупным городом, где им было разрешено жить, оказался Воронеж. Туда они и отправились в начале декабря 1930 года.

ССЫЛКА

В Воронеже Вера Игнатьевна была и счастлива, и несчастлива одновременно. Ее угнетала разлука с сыном, оставшимся в Москве в семье ее родственника - великого певца Леонида Собинина. Но муж снова погрузился в работу и стал постепенно отходить от невзгод года, вычеркнутого из их жизни. Замков работал в поликлинике имени 10-летия Октября и одновременно, снова наладив производство гравидана, с успехом лечил им рабочих пар-

менструациями в тяжелых случаях климактерического периода, а также при психических расстройствах, связанных с неправильной функцией яичников. В очень высоком проценте случаев после нескольких инъекций гравидана менструации восстанавливаются, и все тяжелые симптомы исчезают. Блестящий пример такого целебного действия гравидана пришлось наблюдать нескольким месяцам назад у жены сотрудника ИЭБ профессор Складовского. У пациентки после операции, повлекшей за собой прекращение менструации, обнаружили симптомы буйного помешательства: психиатры (профессор Ганнушкин) определили у нее неизлечимую психическую болезнь, течение которой было предоставлено времени. Профессор Складовский, который раньше выступал против доктора Замкова, в тяжелую для себя минуту вспомнил о гравидане, достал стерильную мочу беременных и после трех инъекций добился полного «внезапного» излечения больной, которая уже более шести месяцев чувствует себя вполне хорошо...

План возвращения Мухиной и Замкова сработал, и весной 1932 года решение об их ссылке было отменено.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

Возвращение в Москву было

прием рвется вся советская элита. Секретарь Горького Крючков не успевает отбиться от старых и не очень большевиков, которые хотят лечиться у Замкова или хотя бы добыть чучточку чудотворного гравидана.

Вера Мухина разделила с мужем не только горе, но и успех. Власть даровала им целый этаж особняка у Красных Ворот, принадлежавшего ранее издателю Ликсерову. Горький - фактически советский министр литературы, аудиенции у которого известные писатели, ученые и художники ожидают многие месяцы, принимает Мухину вместе с другими видными деятелями искусства по первой же просьбе. Мало того, после этой встречи в июле 1933 года светоч пролетарской литературы пишет письмо в ЦК, Молотову, и ходатайствует о помощи скульпторам: о передаче под мастерские закрываемых церквей, выделении огромных стипендий молодым ваятелям. Предлагает Горький и довольно кощунственный способ обеспечения скульпторов материалами: «Можно было предложить им мрамор памятников на кладбищах Москвы».

От такого успеха могла кружиться голова у кого угодно. Замков добивается открытия «гравидановых точек» в 250 больницах страны, включая ее самые дальние уголки. В 1933 году лабораторию гравиданотерапии переименовывают в

порушил отравление Горького. Больше Замкова к этому пациенту не допускали.

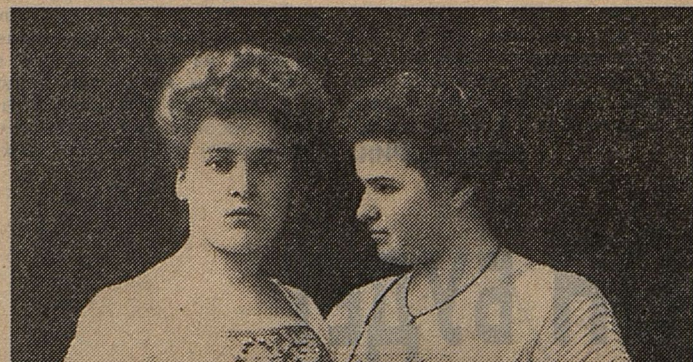
После потери такого покровителя беды посыпались на Замкова одна за другой. В конце 1935 года в печати началась кампания против врачей-чудотворцев, и это вызвало обостренное беспокойство друзей Замкова. Жена Горького - Мария Андреевна писала в январе 1936 года своей дочери: «Читаешь ли ты «Правду» - там все по поводу Н. И. Казакова пишут. Как бы после него за Замкова не приняли. Хотя сам по себе Алексей Андреевич хороший человек, умный и знающий, но ему тоже мешают отсутствие теоретически обоснованных трудов».

Так и случилось. Замкову припомнили фантастические обязательства, и вскоре институт гравиданотерапии был закрыт. Алексей Андреевич перенес прием больных, продолжавших связываться со всей страны к себе домой. Здесь же он развернул очистку мочи. Но вскоре гравиданоплея завершилась. После травли и последовавших за ней двух инфарктов о продолжении активной работы не могло быть и речи. А частная практика, даже если бы на нее нашлись силы, лишилась экономического смысла - в 1937 году подвляющее большинство высокопоставленных пациентов Замкова исчезло в подвалах Лубянки.

Собственно, тогда же должна была завершиться и жизнь Мухиной и Замкова. Как ранее осужденные за контрреволюционное преступление, они подлежали обязательному аресту и, скорее всего, расстрелу. Но маятник удачи снова качнулся в их сторону. Пациент Алексей Андреевич - начальник советской военной разведки Ян Берзин - высоко ценил его как диагноста и доверил ему медицинское освидетельствование отравлявшихся за границу разведчиков-негласов. И после того, как Берзин и почти все руководители разведупра Красной Армии были расстреляны, Замков оказался чуть ли не единственным человеком в стране, лично знавшим негласов, и, видимо, потому остался в живых. Попадобилась стране и Вера Игнатьевна.

Ее талант, наконец, был оценен на самой вершине власти. Мухиной предложили участвовать в конкурсе на скульптурный символ СССР для Всемирной выставки 1937 года в Париже, и ее проект «Рабочего и колхозницы» был признан самым удачным. В знак особого доверия ей разрешили ехать во Францию на монтаж монумента вместе с сыном.

И тогда, и позднее Мухина вела себя как образцовый советский человек. Не пыталась

ции художников революционной России. В скульптор Вера Игнатьевна Мухина, ее муж - известный врач Алексей Андреевич Замков, славившийся в столице своими безошибочными диагнозами, и их десятилетний сын арестованы органами ОГПУ и сидят в тюрьме на Лубянке.

Как известно, ученики «железного» Феликса сажали прежде всего идейных врагов большевизма, но никто не хотел, да и не мог поверить в то, что у Мухиной появились какие-то трения с Советской властью. Революцию она приняла без колебаний, активно работала по ленинскому плану монументальной пропаганды, самоотверженно участвуя в «выработке проектов памятников Российской социалистической революции»: создала эскизы памятников российскому просветителю Николаю Новикову и секретарю Московского Комитета партии Загорскому; «Плама революции» посвятила Свердлову; состязалась в конкурсе на памятник «Освобожденному труду»; к десятилетнему юбилею Октябрьской революции Мухина создала «Крестьянку», принесшую ей международную славу.

Недуги Мухиной, радостно потирая руки, говорили о том, что органы наконец-то обратили внимание на ее, мягко говоря, непротетарское происхождение. И действительно, дед Веры Игнатьевны сколотил весьма солидное состояние на успешной торговле льном, пенькой и хлебом. В Риге ему принадлежала торговая фирма «Кузьма Мухина», десятки складов и большая часть гостиницы. Кузьма Игнатьевич имел и другую крупную недвижимость - несколько поместий, дома в Рославле и Риге. Его сыновья тоже ворочали немалыми деньгами: имели заводы, доходные дома.

Но Вера Мухина никогда не скрывала этих деталей своей биографии. К тому же, если ее арестовали из-за происхождения, за что же сидел ее муж? Он родился в бедной крестьянской семье, экстерном сдал экзамены за гимназический курс и собственным трудом заработал на учебу в университете.

Нет, дело было не в происхождении. И даже не в родственниках за границей. (Потомки Кузьмы Мухина продолжали жить в ставшей независимой и буржуазной Латвии. Заводы, принадлежавшие им, работали и приносили прибыль. А старшая сестра Веры Игнатьевны - Мария в начале 20-х навсегда покинула голодную и смутную Россию и жила в благополучном Будапеште). Хотя обстановка в стране на заре 30-х уже была достаточно напряженной и газеты пестрели сообщениями о врагах и вредителях, все-таки в 1930 году только за происхождение и за наличие зарубежных родственников известных людей не сажали. Маховик произвола до такой степени еще не раскрутился.

Конечно, лучше, чем кому бы то ни было, причина ареста была известна самим Мухиной и Замкову, но оба они до самой смерти наотрез отказывались говорить о том страшном для них времени. И только теперь собранная по крупицам информация позволила восстановить истинную картину этого странного происшествия.

Все началось с открытия чудесных свойств мочи беременных женщин...

МЫШКИ-КОРОСПЕЛКИ

В 1929 году немцы исследователи Зондек и Ангем сделали поразительное открытие. Они вприсынули под кожу лабораторным мышам мочу беременных женщин, и спустя три дня оказалось, что у самых юных мышат половые органы развились до вполне взрослых размеров. Так появился способ точного диагностирования беременности у женщин - применяемый по сей день анализ «на мышку».

Интерес к открытию немцев

был всеобщим. Их исследования принялись повторять и развивать практически во всех более или менее развитых странах. В Европе стали искать в моче беременных гормоны, вызывающие столь необычные последствия. Ученые точно предугадали, что с их помощью можно лечить множество заболеваний. Но дело шло не блестяще. Выделенные гормоны не удавалось сохранять сколько-нибудь длительное время, а сам процесс их получения оказался очень дорогостоящим.

Советские ученые пошли своим путем. Один из самых авторитетных русских биологов - директор Института экспериментальной биологии профессор Николай Константинович Кольцов предположил, что лечить можно и самой мочой беременных, ничего из нее не выделяя. Чтобы проверить это, он пригласил на работу в свой институт врача Алексея Замкова, который еще во время первой мировой войны из-за недостатка лекарств пытался лечить мочой (правда, обычной) ревматизм, болезни легких и сыпной тиф.

Препятствия в работе Замкова стали возникать с первого дня. Оказалось, что революция уничтожила не только эксплуататорские классы, но и систему разведения лабораторных мышей. Пришлось воспользоваться личными связями. Кольцов в это время составлял генеалогическое древо Максима Горького и пытался доказать, что главный пролетарский писатель - родня столбовому дворянину Пушкину. Замков со времен революции 1905 года, когда он помогал доставлять оружие восставшим на Красной Пресне, был дружен с женой Горького - Марией Федоровной Андреевой. Это

слишком молодые бычки быстрее набирают вес.

Но Замков прежде всего был врачом и его больше заботили люди. Он считал, что все болезни только начинаются по-разному. После первого острого периода они все протекают одинаково, и в это время почти все болезни можно лечить очищенной специальным образом мочой беременных, которую Замков, чтобы не смущать пациентов, называл гравиданом. Сразу же он начал проверять свою теорию на практике. Из московских больниц в Институт экспериментальной биологии повезли «исходную жидкость». Замков со своими сотрудниками днем работал не покладая рук, получая и запивая в ампулы гравидан (по 13-18 литров в месяц), а по вечерам с неменьшим усердием, как частно практикующий врач, лечил им своих пациентов.

То ли сам гравидан, то ли вера в его необычайную силу хорошо помогали страждущим. Вскоре к Замкову потянулись больные со всей страны. А когда был обнаружен омолаживающий эффект нового средства, его оценили и власть имущие - из кремлевской опеки в институт Кольцова потоком пошли заказы на гравидан. Но ничто хорошее не может длиться вечно.

ШВОНДЕРШИ ОТ НАУКИ

Почти до самого конца 20-х годов Институт экспериментальной биологии жил в некотором отделении от государства. Кольцов смог уберечь себя и своих коллег от участия в различных дискуссиях и следовавших за ними чистках и репрессиях. Мало того, в институте не было ни ячейки ВКП(б), ни профсоюзной организации. Но с 1929 года в науку, на теплые руководящие места, потянулись старые партийцы, сброшенные с вершин власти своими более удачливыми товарищами.

сультивированым разнообразных сельскохозяйственных и медицинских учреждений, благодаря чему вели безбедный образ жизни. Их менее именитым и менее талантливым коллегам приходилось довольствоваться мизерными окладами, и потому они охотно поддержали швондерш в их борьбе с корифеями науки.

Но особенное раздражение у этой части сотрудников института вызывал Замков. Его частная практика приносила, по мнению коллег, столько, что даже сам Кольцов на его фоне выглядел сущим бедняком. В некоторой степени это было правдой, но большую часть заработанного Замков тратил на поддержку своей многочисленной родни и земляков, которым во время коллективизации в деревне приходилось совсем несладко. К тому же, больных бедняков Замков лечил абсолютно бесплатно, но глаза завистников видели только то, что хотели.

Последней каплей для них стал выигрышный заем Московского губернского исполнительного комитета - в январе 1930 года на него в добровольно-принудительном порядке подписали всех сотрудников института. И во время первого же тиража Замков выиграл. Единственный из всех, кому вступили облигации крупного достоинства. Терпение злобного большинства пополнило.

На беду Замкова в это время профессиональный медицинский союз опубликовал воззвание против частной медицинской практики, и коллеги открыли сезон охоты на слишком благополучного врача. Его не раз и не два терзали на собраниях, а затем, 22 марта 1930 года, «Известия» опубликовали письмо группы сотрудников института «Против спекуляции в науке». Замкова обвинили в корыстолюбии и противозаконном экспериментировании на людях. Около месяца Алексей Андреевич метался, пытаясь доказать абсурдность обвинений, но все было напрасно. А потом у него сдали нервы.

ПОБЕГ НА ЛУБЯНКУ

Как сам Замков писал в заявлении директору института, от тяжелых нервных переживаний и переутомления у него возникла невралгия тройничного нерва. Он хотел уйти в отпуск, но согласие Кольцова не имело никакого значения. В институте правила швондерши и сколоченный ими мексиканский Замкову не просто не давали отдохнуть, над ним планомерно измывались, заставляя покинуть институт. 18 мая 1930 года создатель гравиданотерапии сдался и был уволен.

Положение казалось ему совершенно безнадежным. Но неожиданно один из пациентов Замкова подкасал показавшийся на первый взгляд очень разумным выход - бежать за границу. Этот же добрый выход вызвался помочь и с разработкой маршрута побега, и с билетами, и с переходом границы. Вера Мухина, измотанная многими неделями страданий любимого мужа, была согласна на все, лишь бы ему стало спокойнее и лучше. Бежать решили через южную границу - из Азербайджана в Иран. Куда ехать дальше, Замков и Мухина не решили. Возможно было к ее родственникам в Ригу или к сестре в Будапешт. Замков подумывал и об Алжире, где в эмиграции жил его учитель - доктор Алексинский.

Но судьба просто взялась за Замкова. Они не добрались даже до вокзала. Уставший пациент оказался провокаторм из ОГПУ. Мухина, Замков и их сын Воля были арестованы. На Лубянке их ждала еще более неприятная новость. За несколько дней до их ареста наложение на незаконное пересечение границы было ужесточено. Если раньше за это полагался год исправительных работ или штраф в пятьсот рублей, то теперь за такое контрреволюци-

Хорошая пара: Вера Мухина с мужем, известным врачом Алексеем Замковым.

онное преступление можно было поплатиться жизнью.

Говорят, что Вера Игнатьевна до конца своих дней добрым словом вспоминала какого-то хорошего человека Сидорова. Этот следователь довольно скоро разобрался в случившемся и сделал для Мухиной и Замкова все, что было в его силах. Через шесть дней он освободил Мухину с сыном из тюрьмы, а затем за два дня до описи имущества предупредил, чтобы она увезла из дома все ценные вещи. По постановлению ОГПУ поздней осенью 1930 года имущество было конфисковано, а Замков и Мухина были приговорены к трем годам ссылки.

Самым крупным городом, где им было разрешено жить, оказался Воронеж. Туда они и отправились в начале декабря 1930 года.

ССЫЛКА

В Воронеже Вера Игнатьевна была и счастлива, и несчастлива одновременно. Ее угнетала разлука с сыном, оставшимся в Москве в семье ее родственника - великого певца Леонида Собинова. Но муж снова погрузился в работу и стал постепенно отходить от невзгод года, вычеркнутого из их жизни. Замков работал в поликлинике имени 10-летия Октября и одновременно, снова наладив производство гравидана, с успехом лечил им рабочих паровозостроительного завода.

Правда, воронежские врачи попытались было устроить ему экзекуюцию за неосмотрительное применение непроверенного средства, но это был уже совсем другой, закаленный в борьбе Замков. На заседание местного медицинского общества, где его собирались в очередной раз осудить, он пришел в сопровождении нескольких сотен рабочих. Представители класса гегемона вежливо, но твердо заявили, что не дадут в обиду «своего доктора». Такая диктатура пролетариата действовала отрезвляюще - Алексея Андреевича оставили в покое.

А в Москве шла борьба за досрочное возвращение Мухиной и Замкова из ссылки. Направляли ее, видимо, два высокопоставленных пациента Замкова - начальник службы охраны высших должностных лиц Союза ССР Карл Паукер и глава разведуправления Красной Армии Ян Берзин. Официальным ходатоем выступал профессор Кольцов. Повод для обращения к руководству ОГПУ с просьбой о пересмотре дела дал один из главных противников Замкова - заведующий отделом физической химии кольцовского института профессор Складовский. Вот как описал это в письме в ОГПУ Кольцов:

«...В особенности яркие результаты дает применение гравидана у женщин с прекратившимися или неправильными

менструациями в тяжелых случаях климактерического периода, а также при психических расстройствах, связанных с неправильной функцией яичников. В очень высоком проценте случаев после нескольких инъекций гравидана менструации восстанавливаются, и все тяжелые симптомы исчезают. Блестящий пример такого целебного действия гравидана пришлось наблюдать несколько месяцев назад у жены сотрудника ИЭБ профессор Складовского. У пациентки после операции, повлекшей за собой прекращение менструации, обнаружили симптомы буйного помешательства: психиатры (профессор Ганнушкин) определили у нее неизлечимую психическую болезнь, течение которой было предоставлено времени. Профессор Складовский, который раньше выступал против доктора Замкова, в тяжелую для себя минуту вспомнил о гравидане, достал стерильную мочу беременной и после трех инъекций добился полного «внезапного» излечения больной, которая уже более шести месяцев чувствует себя вполне хорошо...»

План возвращения Мухиной и Замкова сбавал, и весной 1932 года решение об их высылке было отменено.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

Возвращение в Москву было триумфальным. По постановлению ЦК ВКП(б) в мае 1932 года под руководством Замкова начала работать Научно-исследовательская лаборатория гравиданотерапии. В нескольких московских больницах создаются «гравидановые точки», где лечат больных этим препаратом. Поначалу результаты превосходят все ожидания. К примеру, главврач нервно-психической лечебницы острого алкоголизма профессор Стрельчук сообщает Замкову о результатах лечения 11 наркоманов и 23 алкоголиков: «Еще никто из выписанных пациентов после лечения гравиданом не рецидивировал».

Один из бывших наркоманов - член ВКП(б) Глубоковский, потреблявший, как он написал в отзыве о лечении, раньше 50-58 ампул 2-процентного морфия в день, избавился от пагубной привычки и пережил поразительную метаморфозу: «...Я стал чувствовать как будто мне 25 лет (в смысле женщины), чувство стало полное, эрекция полноценная. Раньше, два года назад, женщин для меня не существовало - сейчас совсем другое. Волосы у меня на голове стали темнеть, принимать свой прежний вид, цвет... Раньше я был совсем седой, и волосы росли седые».

Замков из очень известного доктора превратился в остро модного. Он становится личным врачом Горького, к нему на

прием рвется вся советская элита. Секретарь Горького Крючков не успевает отбиться от старых и не очень большевиков, которые хотят лечиться у Замкова или хотя бы добыть чучточку чудотворного гравидана.

Вера Мухина разделила с мужем не только горе, но и успех. Власть даровала им целый этаж особняка у Красных Ворот, принадлежавшего ранее издателю Ликсперову. Горький - фактически советский министр литературы, аудиенции у которого известнейшие писатели, ученые и художники ожидают многие месяцы, принимает Мухину вместе с другими видными деятелями искусства по первой же просьбе. Мало того, после этой встречи в июле 1933 года светоч пролетарской литературы пишет письмо в ЦК, Молотову, и ходатайствует о помощи скульпторам: о передаче под мастерские закрываемых церквей, выделении огромных стипендий молодым воятелям. Предлагает Горький и довольно кощунственный способ обеспечения скульпторов материалами: «Можно было предложить им мрамор памятников на кладбищах Москвы».

От такого успеха могла закружиться голова у кого угодно. Замков добивается открытия «гравидановых точек» в 250 больницах страны, включая ее самые дальние уголки. В 1933 году лабораторию гравиданотерапии переименовывают в институт. В марте 1935 года он едва ли не главный докладчик на Всесоюзной конференции эндокринологов. И тут его понаесло. Замков объявляет, что именно он, а не Кольцов является автором идеи применения мочи беременных для лечения. Ему нужно было остановиться и продолжать лечить то, что гормоны из гравидана действительно излечивали - прежде всего женские болезни. Но от него ждали продолжения чудес, и он старался их сотворить. В пятитомный план своего института он вносит обязательство излечивать практически все: эпилепсию, шизофрению, астму, пороки сердца, тиф, сифилис, туберкулез, язву желудка, рак и т.д., и т.п.

Естественно, неисполнимый план провалился. Но не это стало началом конца карьеры доктора Замкова.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПАЛА

Алексея Андреевича подвела слишком скрупулезная забота о здоровье Горького. Уезжая на отдых на юг, на вокзале главный писатель СССР сказал провожавшему его Замкову: «Благодаря вам я дописал «Достигаев и другие», а теперь вот еду без кислородной подушки». Рядом стоял и внимательно слушал другой провожающий - шеф НКВД Генрих Ягода, которому, как утверждают некоторые знатоки истории, Сталин

вплеснул в стаканчик водку, и Замкова одна за другой. В конце 1935 года в печати началась кампания против врачей-чудотворцев, и это вызвало обостренное беспокойство друзей Замкова. Жена Горького - Мария Андреевна писала в январе 1936 году своей дочери: «Читаешь ли ты «Правду» - там все по поводу Н. И. Казакова пишут. Как бы после него за Замкова не принялись. Хотя сам по себе Алексей Андреевич хороший человек, умный и знающий, но ему тоже мешает отсутствие теоретически обоснованных трудов».

Так и случилось. Замкову напомнили фантастические обязательства, и вскоре институт гравиданотерапии был закрыт. Алексей Андреевич перенес прием больных, продолжавших съезжаться со всей страны к себе домой. Здесь же он развернул очистку мочи. Но вскоре гравиданозоплея завершилась. После трое суток и последующих за ней двух инфарктов о продолжении активной работы не могло быть и речи. А частная практика, даже если бы на нее нашлись силы, лишилась экономического смысла - в 1937 году подавляющее большинство высокопоставленных пациентов Замкова исчезло в подвалах Лубянки.

Собственно, тогда же должна была завершиться и жизнь Мухиной и Замкова. Как ранее осужденные за контрреволюционное преступление, они подлежали обязательному аресту и, скорее всего, расстрелу. Но маятник удачи снова качнулся в их сторону. Пациент Алексея Андреевича - начальник советской военной разведки Ян Берзин - высоко ценил его как диагноста и доверил ему медицинское освидетельствование отправлявшихся за границу разведчиков-нелегалов. И после того, как Берзин и почти все руководители разведупра Красной Армии были расстреляны, Замков оказался чуть ли не единственным человеком в стране, лично знавшим нелегалов, и, видимо, потому остался в живых. Понадобилась стране и Вера Игнатьевна.

Ее талант, наконец, был оценен на самой вершине власти. Мухиной предложили участвовать в конкурсе на скульптуру-символ СССР для Всемирной выставки 1937 года в Париже, и ее проект «Рабочего и колхозницы» был признан самым удачным. В знак особого доверия ей разрешили ехать во Францию на монтаж монумента вместе с сыном.

И тогда, и позднее Мухина вела себя как образцовый советский человек. Не пыталась остаться за границей, выступала где и как положено. Ее награждали орденами, званиями, присуждали Сталинские премии. Партия окончательно поверила, что попытка побега 1930 года была всего-навсего досадным результатом нервного срыва и что Мухина беспредельно предана Советской власти. И напрасно.

В 1937-м, после Парижа, ей разрешили (по другой версии - рекомендовали) захватить в Ригу. Истек срок принятия наследства деда, и советские власти настоятельно посоветовали Мухиной отказаться от него. Формально Вера Игнатьевна сделала так, как требовала Москва: публично отреклась от буржуазной собственности. Но не подписала ни единой бумаги об отказе. Мухина оказалась прозрачнее большинства своих современников. Теперь ее наследники отсудили у латышских властей часть наследства Кузьмы Мухина - один гектар земли в центре Риги.

Сокровенная тайна Веры Игнатьевны была не в том, что она пыталась тайно бежать из СССР, сидела во внутренней лубянской тюрьме, была осуждена и сослана. Мухина, автор главного символа социализма, пережив все его революционные и репрессивные ужасы, не верила ни в прочность, ни в долговечность этого строя.

Светлана КУЗНЕЦОВА.
Евгений ЖИРНОВ.

Издается Агентством деловой информации
Издание зарегистрировано
Госкомитетом РФ по печати.
Рег. № 016313.

Генеральный директор
Главный редактор
Редакционный совет:

Ф.Сизый.
В.Симонов.
П.Вощанов, С.Заворотный,
В.Качурин, К.Сорокин, А.Теплюк.

Адрес редакции: 125880, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24, 5-й этаж, к.539. «Деловой вторник». Для писем: 127254, Москва, а/я 38.
Телефон/факс для справок: (095) 257-56-95, 257-59-17.
E-mail: vtrnik@adi.ru

Распространяется в качестве приложения к газетам:

«РГ-Трибуна», «Грудь», «Рабочая газета» (Украина), «Коммунар» (Тула), «Городские вести» (Волгоград), «Красноярские профсоюз», «На смену» (Екатеринбург), «Правда Севера» (Архангельск), «Вольная Кубань» (Краснодар), «Северный край» (Ярославль), «Ставропольские губернские ведомости» (Ставрополь).